

— В усадьбе за Юй-эр присмотрят нянюшки, так что не беспокойся, с ней всё хорошо, — неторопливо проговорил Сыту Жуй. — Ступай по своим делам, не стану тебе мешать.

Линь Хаю оставалось лишь молча кивнуть и отбыть.

Стоило Линь Хаю переступить порог, как Сыту Жуй мгновенно переменился в лице, утратив всякую беспечность. Дождавшись, пока хозяин дома отойдет подальше, князь вышел наружу. К нему тут же бесшумно приблизился гвардеец.

Сыту Жуй вполголоса отдал несколько распоряжений. Выслушав их с предельно серьезным видом, воин почтительно поклонился и стремительно исчез в дождливой мгле.

Чжао Кунь, генерал-губернатор русел рек Цзяннани, был мужчиной в самом расцвете сил — ему едва перевалило за сорок. Дослужиться к этим годам до столь высокой должности второго ранга на периферии — достижение завидное. Пусть он и уступал в блеске карьеры Линь Хаю, его чиновничий путь складывался исключительно удачно.

В свое время, в десятый год девиза Тяньшунь, Чжао Кунь занял второе место на императорских экзаменах, став баньянем. И хотя они с Линь Хаем сдавали экзамены в разные годы, наставник у них был один. Это связывало их узами академического братства, и в обычные дни они поддерживали приятельские отношения. Но перед лицом нынешней беды бывшая дружба мало что значила. Прорыв дамбы в уезде Иян и то, что Линь Хай самовольно вмешался в дела речного ведомства, глубоко задела самолюбие Чжао Куня.

Неудивительно, что когда Линь Хай переступил порог уездной управы, Чжао Кунь встретил его ледяным пренебрежением.

— Вчерашние труды господина Линя весьма похвальны, однако впредь я сам займусь этим делом, — не утруждая себя долгими предисловиями, Чжао Кунь фактически указал гостю на дверь. — В конце концов, это забота речного надзора. Ваше столь открытое вмешательство в дела уезда и моего ведомства, господин Линь, выглядит по меньшей мере неуместным.

Линь Хай слегка нахмурился. Подобный прием не стал для него неожиданностью: Чжао Кунь никогда не отличался широтой души, да и сам Линь Хай формально преступил границы своих полномочий. В обычных обстоятельствах он ни за что не пошел бы на подобное нарушение. Но сейчас на кону стояло слишком многое, чтобы заботиться о чиновничьем этикете.

— Раз уж вы прибыли лично, господин Чжао, дела, разумеется, переходят под ваше начало, — спокойно ответил Линь Хай. — Но дождь всё не утихает, и угроза наводнения еще не миновала. Покорнейше прошу вас незамедлительно разослать людей для проверки остальных плотин. Безопасность жителей должна быть превыше всего.

Не дав ему договорить, Чжао Кунь раздраженно перебил:

— Господин Линь, я — генерал-губернатор русел рек. И уж точно не вам учить меня, как исполнять свои обязанности. Не смею вас более задерживать, прощайте!

После таких слов продолжать разговор не имело смысла. Линь Хай сухо попрощался и вышел. Стоило ему покинуть стены управы, как он помрачнел. Упрямство Чжао Куня грозило обернуться катастрофой.

От этих мыслей на душе становилось всё тревожнее. Впрочем, в самом уезде Иян прорванную плотину пока укрепили, и повторного бедствия в ближайшие дни здесь случиться не должно. Линь Хаю оставалось лишь вернуться в Янчжоу и действовать оттуда.

Сыту Жуй ничуть не удивился скорому возвращению Линь Хая. Он заранее знал, что Чжао Кунь встретит гостя в штыки. Сам великий князь давно предлагал взять дело в свои руки, но Линь Хай упрямо отказывался, боясь навлечь на него неприятности перед престолом.

— Ну что я говорил? — усмехнулся Сыту Жуй, когда они встретились. — Надо было позволить мне поговорить с ним. Чжао Кунь парень не без способностей, но его спесь известна каждому. Пусть годы службы немного обтесали его, характер у него всё такой же скверный.

— По крайней мере, меня не выставили взашей, — слабо улыбнулся Линь Хай. — А тебе лучше поостеречься и не высовываться.

И это не было пустой тревогой. Хотя Сыту Жуй уже целый год безвыездно находился в Янчжоу, в столице за каждым его шагом следили сотни недобрых глаз. Стоило великому князю вмешаться в гражданские дела южных провинций, как трон завалили бы доносами. Человек, держащий в руках бразды правления армией, всегда оставался главной мишенью для зависти и подозрений.

Раз уж здесь они ничего сделать не могли, задерживаться в Ияне не было смысла. Попутчики немедленно пустились в обратный путь к Янчжоу. Линь Хай всем сердцем рвался к дочери, безумно по ней скучая.

Однако вид раскинувшихся вдоль дороги лагерей лишившихся крова беженцев быстро развеял радостные мысли о скорой встрече. Душа инспектора вновь налилась свинцовой тяжестью.

И ведь это пострадал лишь один уезд Иян! Если плотины не выдержат в других местах, куда хлынут новые толпы обездоленных людей? Как прокормить такое множество голодных ртов?

Отягощенный мрачными думами, Линь Хай вернулся в родное поместье без тени улыбки на лице. Лишь когда навстречу ему вышла Дайюй, он наконец посмотрел на неё с теплотой.

В это время Дайюй и Сыту Цзинь были на занятиях. Услышав о возвращении отца, девочка больше не могла усидеть на месте. С тех пор как пришла весть о прорыве плотины в Ияне, её сердце не знало покоя. Разум твердил, что с отцом ничего не случится, но детская тревога брала верх. Учитель, проявив понимание к чувствам воспитанницы, великодушно отпустил детей пораньше.

Забыв о приличиях, Дайюй подхватила подол платья и со всех ног бросилась к парадному залу, заставив служанок в панике бежать следом. Шестой принц, Сыту Цзинь, едва успел обернуться, как сестренка уже скрылась из виду. Махнув рукой на оставшиеся книги, он велел слугам прибраться и поспешил за ней.

К счастью, у самого входа в залу Дайюй спохватилась, понимая, насколько неподобающе выглядит её спешка. Запыхавшись, она остановилась и послушно замерла, давая подбежавшим служанкам возможность поправить её платье и причёску. Сделав глубокий вдох и немного успокоив дыхание, девочка наконец переступила порог.

— Отец! — тихо позвала Дайюй.

Она уже подросла, и правила приличия больше не позволяли ей, как в детстве, с разбегу бросаться отцу на шею. Девочка лишь сделала несколько быстрых шагов вперед, глядя на неведимого Линь Хая блестящими от волнения глазами.

— Юй-эр, как ты поживала эти дни? — ласково спросил Линь Хай, тепло улыбнувшись дочери.

— Со мной всё хорошо, отец. А вот вы... вы как будто осунулись и похудели.

— Какая же ты наблюдательная, Юй-эр, — с усмешкой вмешался Сыту Жуй. — Твой отец в Ияне совсем позабыл о еде и сне. Мои уговоры на него не действовали, так что теперь вся надежда только на нашу маленькую хозяйшку.

— Дядя Сыту опять шутит надо мной, — смущенно улыбнулась Дайюй. — Но я сейчас же велю поварам приготовить самые любимые блюда отца и ваши тоже.

— А я-то уж испугался, что наша Юй-эр помнит только об отце, а про своего дядю совсем позабыла, — продолжал поддразнивать её великий князь.

— Как можно забыть о вас, дядя! Будьте спокойны, всё сделают в лучшем виде, — весело ответила девочка и тотчас отправила служанку на кухню с подробными распоряжениями.

Возвращение отца живым и неведимым сняло тяжкий груз с души Дайюй, и она светилась неподдельной радостью. Глядя на счастливую дочь, Линь Хай тоже позволил себе ненадолго забыть о государственных заботах.

В усадьбе Линь воцарилось долгожданное тепло и уют, чего нельзя было сказать о других домах Янчжоу. Там царило совсем иное настроение.

— Скажи хоть слово! Что нам теперь делать? — в панике воскликнул Чжао Кунь, раздражаясь из-за ленивого спокойствия своего собеседника.

Чжэнь Инсянь, сидевший напротив, едва заметно усмехнулся. В глубине души он презирал этого человека — поддаваться такому ничтожному поводу столь жалкой панике мог лишь круглый дурак, обделенный всякой выдержкой.

— К чему такая спешка, господин Чжао? — вкрадчиво заговорил Чжэнь Инсянь. — Наводнения случаются каждый год. Нынче просто дождей выпало чуть больше обычного, но ведь до настоящей беды дело не дошло? Даже если что-то и случится, при чём тут мы с вами?

Чжао Кунь резко оборвал свои метания по комнате и холодно посмотрел на собеседника:

— Господин Чжэнь, вы принадлежите к знатному роду, за вашей спиной стоит сам великий князь Чжунъи! У меня же такого заступника нет. Линь Хай — человек упрямый и неподкупный. Если он подаст доклад престолу, моей голове не снести!

Чжэнь Инсянь лишь мягко улыбнулся, пригубив чай:

— Полноте, господин Чжао, к чему эти упаднические речи? Если тучи сгустятся, неужели ваш покровитель оставит вас без защиты? Линь Хай, при всем его могуществе, всего лишь человек. И раз уж он столь упорно не желает считаться с правилами игры... к чему нам терпеть его присутствие?

До Чжао Куня внезапно дошел зловещий смысл этих слов. Бледнея от гнева и страха, он прошептал:

— Вы... вы с самого начала заманили меня в ловушку!

Чжэнь Инсянь неторопливо поднялся, бережно расправил складки своего дорогого халата и вежливо поклонился:

— Как можно так говорить, господин Чжао? Мы ведь старые друзья, и я лишь делюсь с вами дружеским советом. На чиновничьем поприще закон один: либо сожрут тебя, либо сожрешь ты. Поразмыслите об этом на досуге. Моё ведомство будет ждать вашего решения.

С этими словами он неспешно покинул комнату, оставив Чжао Куня одного — багрового от

бессильного гнева.

Тем временем в поместье Линь хозяин дома едва успел прилечь, как его разбудили тревожной вестью. Выслушав доклад слуги, Линь Хай мгновенно стряхнул остатки сна. Он помрачнел, и он принялся мерными шагами мерить кабинет из угла в угол.

Присутствовавший при этом Ду Жо не смел нарушить молчание. Он лишь преданно следил за господином, с тревогой хмурясь.

Спустя долгое время Линь Хай наконец остановился, сел за письменный стол и стремительно начертал на бумаге несколько строк. Тщательно запечатав послание, он протянул его доверенному помощнику:

— Боюсь, Цзинчжи, мне придется просить вас лично отправиться в путь. Дело не терпит отлагательств.

Ду Жо почтительно принял письмо и с жаром произнес:

— Ваш ученик расшибется в лепешку, но исполнит ваше поручение! Однако, господин... люди из клана Чжэнь не станут сидеть сложа руки. Если мы позволим им нанести удар первыми, ваше положение станет крайне опасным.

Линь Хай лишь отмахнулся, давая понять, что полностью держит ситуацию под контролем. Дав наставнику еще несколько кратких указаний, он велел ему немедленно отправляться в дорогу.

Оставшись в одиночестве, Линь Хай долго сидел неподвижно, глядя на мерцающий огонек свечи. Затем он вновь взялся за кисть, чтобы составить секретный доклад императору. Пусть путь впереди сулил лишь бури и тернии, отступать он не намеревался. Разрушение плотины в Ияне формально не входило в круг его обязанностей — дела речного надзора всегда были запутанным клубком взаимных обвинений. Но Линь Хай не мог отделаться от горькой мысли: сколько жизней удалось бы спасти, если бы ненасытная клика Чжэней не запустила свои когти в казну ведомства?

Содеянного не воротишь, но долг чести требовал от него довести дело до конца.

Внимательно перечитав написанный текст, Линь Хай сурово нахмурился. Он прекрасно понимал: стоит этой бумаге оказаться на столе у государя, и по всей Цзяннани прокатится сокрушительный ураган. Сам же он после этого станет для местных чинуш злейшим врагом, которого они попытаются уничтожить любой ценой.

Инспектор тяжело вздохнул и уже собирался спрятать свиток в тайник, как вдруг дверь его

кабинета бесшумно отворилась. Сохраняя абсолютное хладнокровие, Линь Хай задвинул бумаги под лежащую на краю стола книгу и обернулся к вошедшему:

— Уже глубокая ночь. Почему ты еще не спишь?

Сыту Жуй вошел с крайне мрачным видом. Не отвечая на приветствие, он сухо бросил:

— Ты ведь тоже бодрствуешь. Слуги доложили мне, что твой советник покинул поместье под покровом темноты. Что за спешные дела заставили его бежать посреди ночи?

— Ничего особенного, обычные хлопоты по делам речного надзора. Обсудим это завтра, — уклончиво ответил Линь Хай, пытаясь мягко увести гостя.

Однако великий князь даже не подумал поддаться на уловку. Смерив хозяина дома пронзительным взглядом, он протянул руку и уверенным движением вытянул спрятанный свиток из-под стопки бумаг.

Линь Хай не ожидал такой бесцеремонности, но вырывать бумагу силой было бы верхом неприличия. Сыту Жуй быстро пробежал глазами по иероглифам, и он помрачнел от гнева.

— О чём ты только думаешь, Жухай?! — вскричал он, стискивая свиток. — Следить за благонадежностью чиновников — прямая обязанность цензоров! Тебе мало тех завистливых взглядов, что и без того следят за каждым твоим вздохом? Ты сам лезешь в петлю!

— Минжуй, умоляю, успокойся, — попытался урезонить его Линь Хай, сделав шаг навстречу.

Но князь Жуй и слушать ничего не желал. В порыве ярости он поднес бумагу к пламени свечи, явно намереваясь уничтожить опасное послание.

— Довольно, Минжуй! — вскипел Линь Хай, ловким движением перехватив руку князя и вырвав доклад из огня.

Сыту Жуй уставился на него долгим, тяжелым взором, в котором бушевали гнев и глухая, отчаянная тревога за его жизнь. Не выдержав этого немого укора, Линь Хай отвел глаза и тихо проговорил:

— Я знаю, что ты переживаешь за меня, Минжуй. Но поверь, я не безумец. Если я решился на этот шаг, значит, у меня есть веские причины.

Князь бессильно опустил плечи и глухо вздохнул:

— Знаю я твоё упрямство... Если что-то вбил себе в голову, тебя и волами не сдвинешь. Но, Жухай... умоляю тебя, хотя бы ради меня, ради нашей Юй-эр — подумай о последствиях. Не оставляй нас одних.

— Будь спокоен, я никогда не забуду о нашей дочери, — мягко отозвался Линь Хай, успокаивающе коснувшись его плеча. — К тому же, у меня есть ты. В самом худшем случае меня просто лишат чина и отправят в отставку. Уверен, Его Величество пощадит мою жизнь ради прежних заслуг.

Сыту Жуй стиснул зубы, полный отчаянной решимости:

— Да пусть бы и так! Скорее бы тебя лишили этой проклятой должности. Посмотрим, о чём ты тогда станешь печься. Заберем Юй-эр, уедем в тихое загородное поместье и заживем вдали от столичной грязи. Так будет куда лучше.

Линь Хай невольно улыбнулся его пылкости:

— Что ж, последовать примеру великого отшельника Тао Юаньмина и вкусить прелесть сельской глуши — заманчивая мысль. Вот только сомневаюсь, способен ли некий благородный муж примерить на себя роль преданной девы, услаждающей досуг поэта.

Услышав этот шутливый вызов, Сыту Жуй прищурился. В его глазах вспыхнул опасный огонек.

— Мечтать о преданных девах — занятие приятное, но боюсь, нашему блестящему журавлю-первоцвету придется обойтись без них, — с этими словами князь резко шагнул вперед и, легко подхватив Линь Хая на руки, прижал к себе.

Опасаясь упасть, Линь Хай судорожно вцепился в расшитые шелка на его плечах и возмущенно выдохнул:

— Полно глупостей! Разве сравнится какая-то безвестная дева с абсолютной красотой самого великого князя?

Разгадав шутливую колкость, Сыту Жуй довольно усмехнулся. Склонившись, он прошептал ему на ухо:

— Что ж, тогда давай проверим на деле, кто из нас обладает абсолютной красотой.

Не дожидаясь ответа, он уверенным шагом направился в глубь покоев, увлекая своего строптивого инспектора в полумрак спальни.

<http://bllate.org/book/18189/1759478>